

Т.А. Неверова

(Кафедра русского языка филологического факультета)

ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ТРИАДНОСТИ И СХЕМЫ «ТЕЗИС-АНТИТЕЗИС-СИНТЕЗ» В ТРИЛОГИИ «ХРИСТОС И АНТИХРИСТ»

Проблема взаимосвязи языка и мышления по праву считается одной из наиболее значимых для лингвистической науки. Несмотря на то, что некоторые вопросы взаимосвязи языка и мышления носят дискуссионный характер, можно выделить общепризнанные постулаты, в частности, постулат о том, что продукт познавательной деятельности человека, преломляясь в мышлении, закрепляется в языке посредством его единиц и в первую очередь – слов.

Исходным в разработке проблемы вербализации когнитивных структур в языке и речи является положение о том, что на определенном этапе познания действительности система мышления и система языка рассматриваются как два взаимно предполагающих и дополняющих друг друга кода [Кацнельсон 2001: 471]. Когнитивная структура является источником семантической структуры языкового знака, которая формируется в процессе языковой объективации [Алефиренко 2004]. Средствами такой объективации могут выступать слово, фразеологизм, словосочетание, структурная схема предложения, а также текст как совокупность всех возможных способов вербализации действительности [Болдырев 2001; Карасик 2002].

1. Триадность является основным принципом осмысления реальности в трудах Д.С.Мережковского и проявляется в многочисленных вариациях трехчленного соединения «разнородного в одно». Логико-философские триадные построения представляют собой регулярно повторяющиеся смысловые структуры, организованные следующим образом: понятия и суждения четко противопоставляются как «тезис» и «антитезис» и затем объединяются в «синтезе». В картине мира Д.С. Мережковского «тезис»

устойчиво понимается как истинное, цельное, положительное, «антитезис» осмысливается как субъективное, множественное, отрицательное, «синтез» же предстает как нечто неопределенное, составленное из этих категорий. В концепции Д.С. Мережковского «синтез» выступает посредником между двумя противоположными началами, единством, возникшим в результате «борьбы противоположностей».

Принцип триадности и связанная с ним когнитивная схема «тезис-антитезис-синтез» являются структурообразующим принципом мышления Д.С. Мережковского, универсальным способом категоризации действительности. Естественно ожидать, что принцип триадного построения должен отразиться в языке его произведений, поскольку художественный текст, обладая индивидуальной языковой структурой, концептуально и прагматически обусловленной, воплощает в словесной форме неповторимую картину мира автора.

Первая часть когнитивной структуры, антиномия «тезис»-«антитезис», вербализована в тексте романа «Петр и Алексей. Антихрист» прежде всего противопоставлением ключевых слов, семантических доминант.

Противопоставленные семантические доминанты представляют собой семантически насыщенные оппозиции, специфические для художественной системы Д. С. Мережковского. Они могут быть антонимичными по своему лексическому значению и противопоставленными поэтому и в узуальной, общепринятой картине мира. В индивидуальной картине мира Д.С. Мережковского такие оппозиции актуализируются и становятся резко полярными, что делает их столь же значимыми, как и универсальные оппозиции «верх» – «низ», «черное» – «белое» и др. Особая смысловая значимость проявляется в частом употреблении в качестве ключевых слов регулярных «пар», в выполнении ими функции межфразового средства связи, в семантическом приращении значения этих лексем в рамках идиостиля.

Методом контент-анализа были выделены следующие регулярные пары противопоставлений: *бесконечность, вечность — конец, кончина мира; вода — огонь; радость, веселье — ужас, омерзение; икона, образ — античные боги, идолы; тьма — луч света*, что говорит о широком применении когнитивной схемы «тезис-антитезис-синтез».

Являясь элементами субъективного авторского образа мира, данные лексемы создают в пространстве текста точки концентрации смысла, обладающие повышенным онтологическим статусом. В качестве иллюстрации приведем следующие текстовые фрагменты, относящиеся к антиномии «бесконечность, вечность — конец, кончина мира»: *«И в дуновении горней свежести, ровном, как дыхание спящего, сходило на землю предчувствие вечного сна - тишина бесконечная... И слушая эти пророчества, люди испытывали новый неведомый ужас, как будто наступал конец мира, светопреставление»* («Леонардо да Винчи. Воскресшие боги»).

Такие семантические доминанты чаще всего реализованы узуальными антонимами, например: *«...в этих апокалипсических бреднях крайний Запад сходится с крайним Востоком и величайшее просвещение – с крайним невежеством»* («Петр и Алексей. Антихрист»).

Однако влияние принципа триадности обуславливает и появление контекстуальных антонимов в результате семантических приращений, как, например, в следующем контексте: *«Какое ему дело до Христа? Какое соединение между Марсовым железом и Евангельскими лилиями?»* («Петр и Алексей. Антихрист»). По данным «Толкового словаря русского языка» (под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой), лексемы *железо* и *лилия* имеют следующие значения: **«Железо** - 1. Химический элемент, серебристо-белый металл, главная составляющая часть чугуна и стали. 2. Изделия из такого металла»; **«Лилия** - Луковичное растение с прямым стеблем и крупными красивыми цветками в виде колокола» [Ожегов 1999: 191; 326]. Очевидно, что в

языке данные лексемы не связаны не только антонимическими, но и вообще какими-либо парадигматическими отношениями. Тем не менее, в приведенном контексте лексемы *железо* и *лилии*, будучи определены соответственно лексемами *Марсово* и *Евангельские*, испытывают преобразование семантической структуры.

В сочетании с лексемой *Марсово* значение лексемы *железо* обогащается семами «война», «жестокость», «античность», равно как и лексема *лилии* в сочетании с лексемой *Евангельские* обогащена семами «милосердие», «христианство». Возникновение данных контекстуальных антонимов обусловлено антиномией «античность» - «христианство», языковой реализацией которой они являются.

Контекстуальные антонимы в силу слабого выражения ими антитечности нередко употребляются вместе с узуальными, усиливающими противопоставление. В качестве примера рассмотрим следующий контекст: «*А без этой правды, со всеми науками – вместо старого московского варварства, будет лишь новое петербургское хамство*» («Петр и Алексей. Антихрист»). Лексемы *варварство* и *хамство* в лексической системе языка близки по смыслу, что выявляется при сопоставлении их словарных дефиниций: «**Варварство** – грубость, дикость нравов, бессмысленное разрушение культурных ценностей. **Варвар**. – 1. У древних греков и римлян: пренебрежительное название чужеземца. 2. Невежественный, грубый, жестокий человек» (с.68), «**Хамство**. – Хамское поведение, хамский поступок. **Хам**. – Грубый, наглый человек» [Ожегов 1999: 859-860]. Контекстуальная антонимизация этих слов усилена узуальными антонимами *старый* – *новый* и семантически сильными контекстуальными антонимами *московский* – *петербургский*, основанными на укорененной в русском языковом сознании оппозиции «Москва» -«Петербург».

Семантические доминанты, выражаемые регулярными для текста трилогии парами, могут быть разделены достаточно большими фрагментами текста, и тогда их оппозиция становится элементом композиционного построения и средством связи сверхфразовых единств (например, оппозиция «*Богородица – Венера*» в первой книге романа «Петр и Алексей. Антихрист»).

Гораздо чаще антитетичные семантические доминанты встречаются в пределах короткого отрезка текста, в пространстве одного-двух предложений. В этом случае важно не содержание смысловых доминант (развернуть которое не позволяет ограниченное пространство ближайшего контекста), а их роль в художественной системе, ситуация, в которой они проявляются. Можно отметить две наиболее частые ситуации: ситуация выбора между противоположностями и ситуация столкновения разнонаправленных начал внутри личности.

При актуализации в тексте первых двух элементов когнитивной схемы «тезис-антитезис-синтез» через ситуацию выбора элементы антиномии «тезис» - «антитезис» не только противопоставлены, но и полностью полярны. Семантическое использование лексем отражает нарастание напряженности и способствует абсолютизации дилеммы, вследствие чего выбор становится невозможен: *«Но что же, что делать? Простить сына — погубить Россию; казнить его - погубить себя. Он чувствовал, что этого никогда не решит»* («Петр и Алексей. Антихрист»). В этой напряженной противоположности заложена когнитивная основа «синтеза», наиболее сложной, неоднозначной части рассматриваемой схемы, так как абсолютизация полярностей ведет к снятию оппозиции. Напряженность разрешается появлением третьего элемента: *«"Все равно", - подумал он, и вдруг нестерпимым светом загорелась в сознании мысль: все равно, какой из двух путей он выберет, куда пойдет - на Восток или Запад; и здесь, и там, на последних пределах Востока и Запада - одна мысль, одно Чувство: скоро конец»*. Это наблюдение подтверждается

высказываниями Д.С. Мережковского, сходным образом определяющими сущность троичности: «...все в природе натянуто, напряжено... между двумя...электрическими полюсами зажигается божественная искра любви — гераклитовская молния...Соединяющая Молния Трех» [Мережковский 2003: 111]

Нередко семантические доминанты служат для обозначения противоположных свойств личности: «Во всем существе - сочетание силы и слабости», «Это человек и очень хороший, и очень дурной», - сказал о нем кто-то» («Петр и Алексей. Антихрист»). Такое сочетание разнонаправленных начал, «соединение крайностей», по терминологии Д.С. Мережковского, позволяет рассматривать подобную ситуацию как имплицитную реализацию «синтеза», третьего элемента когнитивной схемы.

Эксплицитно «синтез» в языковом пространстве трилогии реализуется в символах, отражающих идеологему окончательного единения. В качестве примера такого символа рассмотрим лексему *молния*, которую писатель часто употребляет для обозначения «синтеза» в основной теоретической работе, посвященной триадности – эссе «Тайна Трех»: «Переход из одного порядка бытия в другой внезапен, как молния», «...два полюса и между ними вечная искра жизни — Гераклитова Молния». Символизация лексемы обуславливает появление контекстуальных приращений в текстовом пространстве романа «Петр и Алексей. Антихрист». Лексема обретает статус символа прозрения, выступает ассоциативом постижения, приобщения к тайне бытия.

Принцип триадности и схема «тезис-антитезис-синтез» репрезентируются в языке трилогии «Христос и Антихрист» не только в отдельных лексемах, но и в стилистических фигурах. В качестве таковых можно отметить прежде всего оксюморонные эпитеты и сравнения: «Царевич слушал их, глядел а виллу и невольно усмехался: странно было противоречие этих будничных грез и

призрачной действительности» («Петр и Алексей. Антихрист»); *«И душу его наполнила радость, подобная ужасу»* («Воскресшие боги»), а также хиазм: *«Если так, то он воскрешает в новом древнее, в своем чужое»* (Петр и Алексей. Антихрист»); *«В зверском мелькает человеческое, в человеческом зверское, одно переходит в другое легко и естественно, до ужаса»* («Леонардо да Винчи. Воскресшие боги»).

Частым средством вербализации принципа триадности является также цепочка контекстуальных синонимов, состоящая из двух или трех, значительно реже – из большего числа элементов, соответствующих схеме «тезис-антитезис-синтез». Так, рассмотрим контекст *«То была дружба ревнивая, нежная, страстная»* («Петр и Алексей. Антихрист»). Здесь лексема *ревнивый*, обозначающая отрицательное чувство (см. **Ревнивый**. 1. Склонный ревновать, охваченный ревностью, выражающий ревность [Ожегов 1999: 672]), выражает «антитезис». Лексема *нежный*, обладающая положительными коннотациями, что видно из следующего словарного толкования: **Нежный**. 1. Ласковый, исполненный любви. 2. Приятный, тонкий, не грубый. 3. Слабый, хрупкий. [Ожегов 1999: 405]», вербализует «тезис». Лексема *страстный*, выражающая «синтез», обладает значением, отличным от значений двух других элементов контекстуального синонимического ряда, но позволяющим объединить их как два крайних выражения одного и того же сильного чувства: **Страстный**. 1. Проникнутый сильным чувством. 2. Увлеченный чем-нибудь, целиком отдающийся какому-нибудь занятию. 3. Проникнутый чувством любви, чувственный. [Ожегов 1999: 772] ».

Таким образом, когнитивная схема «тезис-антитезис-синтез», являющаяся структурным выражением принципа триадности, вербализуется в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» как целиком, так и частично. Рассмотренное многообразие вариантов вербализации в языковом пространстве трилогии «Христос и Антихрист» свидетельствует о том, что три-

адность - живой художественный принцип, пронизывающий и обуславливающий языковую ткань произведений, а не рассудочная схематичность идеологических построений Д.С. Мережковского. Данный художественный принцип, очевидно, представляет собой некоторую когнитивную структуру, посредством которой религиозно-философские представления Д.С. Мережковского о троичности мира и лежащей в ее основе Троице воплощаются в его художественных произведениях.

1. Кацнельсон, С.Д. Категории языка и мышления [Текст]/ С.Д. Кацнельсон. - М.: Языки славянской культуры, 2001. – 580 с. : 471

2. Алефиренко, Н.Ф. Методологические основания исследования проблемы вербализации концепта [Текст]/ Н.Ф. Алефиренко // Вестник ВГУ. - Серия Гуманитарные науки. - 2004. - № 2 – С. 17-31.

3. Болдырев, Н.Н. Концепт и языковое значение. Лексические и грамматические концепты [Текст]/ Н.Н. Болдырев //Когнитивная семантика (курс лекций по английской филологии). - Тамбов: Изд-во Тамб.ун-та, 2001.- 123 с.

4. Карасик, В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс [Текст]/ В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

5. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст]/ С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. - М.: Азбуковник, 1999. - 944с. ; 326

6. Мережковский, Д.С. Тайна трех. Египет – Вавилон [Текст]/ Д.С. Мережковский. - М.: Эксмо, 2003. - 560 с. 111

Опубликована : Университетские чтения - 2009. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Часть VII. – Пятигорск, ПГЛУ. – 2009. – С. 83-88.